

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. *В.Г.Ревуненкова*
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху.

Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук *В.Г.Ревуненков* (отв. Ред.),
д-р искусствоведения *Н.Н.Калитина*, д-р ист. наук *Г.Л.Курбатов*,
д-р ист. наук *Г.Р.Левин*, канд. ист. наук *А.Б.Егоров*,
канд. ист. наук *Н.Е.Колосов*, *С.Н.Коротков* (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук *Ю.В.Егоров* (ЛГПИ им. А.И.Герцена)

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta, 1 вандемьера ССХХI года**

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). **Современные интерпретации Великой французской революции**

Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). **Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка**

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). **Французская памфлетистика при Старом порядке**

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). **Роль периодической печати в политической системе Старого порядка**

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). **О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения»**

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). **Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658-1743)**

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). **Финансовая политика Французской революции: характер и итоги**

Текст здесь:

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). **Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции**

Соколов О.В. (МИАИВВС). **Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792-1794 гг.**

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). **Вареннский кризис и французское общественное мнение**

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). **«Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789-1799 гг.**

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). **Л.-Л.Буальи - художник эпохи Великой французской революции**

(опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). **О празднествах эпохи Великой французской революции**

Андрей Евгеньевич Озолинг

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАМФЛЕТИСТИКА ПРИ СТАРОМ ПОРЯДКЕ

Термин «памфлет» появляется во французском языке в 30-х годах XVII в. Он был заимствован из английского. В рассматриваемый нами период он имеет относительный аналог во французском языке — «либелль» (libelle), что значит буквально «книжечка». Габриэль Нодэ — один из первых коллекционеров памфлетов говорит о либеллях как изданиях карманного формата, распространяющихся тайно и в узком кругу. Небольшой формат и объем издания принят современными французскими историками в качестве основного признака памфлета в XVI —

XVIII вв.¹ Необходимость в использовании формального критерия при определении памфлета объясняется широким жанровым спектром изданий, выходивших малым форматом. Это постановление разных государственных учреждений, тексты договоров, описания церемоний (публикуемые как в информационных, так и в пропагандистских целях), всевозможные извещения и воззвания, декларации, сатиры, бурлески, пасквили против того или иного государственного деятеля, а иногда и политические или богословские трактаты «в миниатюре». Нередко острой сатире придавалась форма официального документа — письма, приговора, ремонстрации. Текст договора или ординанса мог быть снабжен комментарием, носившим ярко выраженный агитационный характер, а в описании приема или приема рада могли быть вставлены достаточно язвительные замечания в адрес одного из участников. Официальные акты королевской власти порой распространялись так же тайно, как и сатиры (например, в мятежных городах и провинциях). Общей чертой объединяющей все эти издания, является их тесная связь с злобой дня.² Все они в той или иной форме представляли реакцию на актуальные события политической и общественной жизни. Весь этот комплекс источников можно определить как «малые издания» и условно подразделить на следующие группы: 1) официальные документы, 2) информационные листы, 3) сатирические произведения без видимых политических тенденций, 4) собственно политические памфлеты, имеющие или менее открыто выраженную пропагандистскую направленность и содержащие апологию или (что чаще) критику или иного политического деятеля, партии, группировки, а иногда и конкретных проявлений их политики. Рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся политических памфлетов.

Первые французские памфлеты появились еще до изобретения печатного станка (известны рукописные памфлеты, выпущенные в начале XV в. и относящиеся к периоду борьбы бургиньонов и арманьяков). Примечателен факт, что появляются первые памфлеты именно в момент острого противостоятия крупнейших политических партий, когда они стали важным инструментом борьбы аристократических группировок. Развитие книгопечатания привело к широкому использованию памфлетов в политической борьбе.

Интерес к памфлетам как к историческому источнику замечается уже в XVII в. Он проявлялся в первую очередь в создании многочисленных коллекций памфлетов, благодаря которым многие библиотеки имеют сегодня их значительные собрания. Начиная со второй трети XVII в. издаются и сборники памфлетов. Такие сборники назывались обычно «сборниками забавных изданий» (*pièces curieuses*) по истории какого-либо человека или события. Они свидетельствуют, что интерес к памфлетам в XVII в. — это интерес к литературе курьезов или анекдотов, связанных в первую очередь с историческими личностями.

¹ В современной книговедческой французской литературе принято определять памфлет как издание, формат которого не превышает 16×10 см, а объем 48 страниц (см.: Duccini H. *Regard sur la littérature pamphlétaire en France au XVIIe siècle* // *Revue historique*. 1978. Т. 528). Однако бывают памфлеты, по содержанию явно примыкающие к этому жанру, объем которых превышает 48 страниц.

² Jouhaud C. *Ecriture et action au XVIIe siècle: sur un corpus mazarinades* // *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*. 1983. N 1. P. 319—322.

³ Mathorez J. 1) *Mathurine et les libelles publiés sous son nom*. Paris, 1922; 2) *Notes sur Maître Guillaume, fou de Henri IV et de Louis XIII*. Paris, 1913; Sée H. *Les idées politiques en France au XVIIe siècle*. Paris, 1923; Lecestre L. *Les mazarinades*. Paris, 1913.

⁴ Martin H.-J. *Livre, pouvoirs et société à Paris au XVIIe siècle*. Paris, 1969. Т. I—II; Duccini H. *Regard... Histoire générale de la presse française*. Paris, 1969; Grand-Mesnil M. *Mazarin, la Fronde et la presse*. Paris, 1967.

⁵ Richet D., Chartier R. *Représentation et vouloir politique*. Paris, 1982; Descimon R., Jouhaud C. *La Fronde en mouvement* // *XVIIe siècle*. 1984. N 145. P. 305—322.

В советской историографии нет специальных работ, посвященных французской памфлетистике, но некоторые советские историки, главным образом Б. Ф. Поршнев, в своих трудах использовали богатый памфлетный материал, который дают советские собрания (в первую очередь по периоду Фронды).

В данной работе мы опирались на коллекцию французских малых изданий XVI—XVIII вв., хранящуюся в библиотеке ЛОИИ СССР АН СССР.⁶ Всего она насчитывает около 6 тысяч единиц. Первые издания в ней относятся к середине XVI века, последние к эпохе Великой французской революции.⁷ Используя данные библиотеки ЛОИИ, а также данные по памфлетным собраниям французских и американских библиотек,⁸ можно сделать вывод о том, что пики памфлетной активности рассматриваемый период приходится на следующие годы: 1560/61 г. (Орлеанские Генеральные штаты), 1562 г. (начало религиозных войн), 1574 г. (протестантский съезд в Милле), смерть Карла IX, воцарение Генриха III), 1576/77 г. (Генеральные штаты в Блуа), 1585 г. (возобновление войны, вмешательство папы Сикста V во внутренние дела Франции, создание Парижской лиги), 1588 г. (Генеральные штаты в Блуа), 1589 г. (убийство Генриха III, прекращение династии Валуа), 1593/94 г. (переход Генриха Бурбона в католичество и его коронация), 1610/11 г. (убийство Генриха IV и обострение политического кризиса), 1614 г. (Генеральные штаты), 1617 г. (убийство всеуездных маршала Д'Анкра), 1619/21 г. (новоязычные памфлеты, выходившие в провинции, в целях конспирации помегражданская война), 1649 и 1652 гг. (пики «парламентской Фронды и «Фронды принцев»). После Фронды в условиях значительного усиления абсолютизма правительство устанавливает строгий надзор за печатью, и почти до самой революции французская памфлетистика не знала сопоставимых с перечисленными «пиков». Таким образом, мы можем выделить круг событий, на которые наиболее остро реагировала памфлетистика (генеральные штаты, вспышки гражданских войн, политические перевороты, т. е. периоды обострения борьбы политических сил, прежде всего аристократических, партий и группировок).

Но можно ли видеть в памфлетистике непосредственную реакцию общественного мнения на важнейшие события политической жизни Франции? Этот вопрос имеет принципиальное значение для источниковедческой оценки памфлетов. Большинство современных авторов (А. Д. Люблинская, А.-Ж. Мартэн

Жуо) рассматривают их в первую очередь как образцы организованной пропаганды. По мнению французского исследователя Фронды К. Жуо, «единственная свобода (памфлетиста) состояла, быть может, в том, чтобы переменить лагерь или же играть опасную роль двойного агента».⁹ Иной точки зрения придерживался Б. Ф. Поршнев. По его словам, в памфлетах Фронды «ничего и искать прямого отражения взглядов и настроений народных масс. Но если выбрать из них наиболее радикальные высказывания, мы нащупаем ту пограничную линию, которая непосредственно лежит на допусках в подпольную печать идеи толпы».¹⁰ Таким образом, Б. Ф. Поршнев считает важным не определение степени независимости авторов памфлетов от аристократических партий, а выявление в мазаринадах отражения народной идеологии. При решении этого вопроса он исходил из «презумпции независимости» источниковедческий анализ мазаринад Б. Ф. Поршнев не

Подобный анализ необходимо начать с изучения условий производства и распространения памфлетов. В рассматриваемый период все печатное дело во Франции в основном было сосредоточено в Париже, Лионе, Бордо и Эксе. На титульных листах франкоязычных памфлетов, выходивших в провинции, в целях конспирации указывались Парижем.

С начала XVI в. печатное дело в Париже находилось под юрисдикцией университета, прежде всего теологического факультета, который осуществлял цензуру печатных изданий, но в течение XVI в. усиливается вмешательство правительства и распространение книг, запрещенных властями, влекло за собой суровое наказание. Например, с 1539 по 1572 г. известны имена 80 людей, связанных с книгоизданием, которые пострадали за религиозные убеждения и выпуск запрещенной литературы. В XVII в. происходит значительное ужесточение цензуры. Этапами этого процесса стали регламенты 1616, 1618 и 1634 гг. Гонения на памфлетистов нашли, между прочим, отражение и в самой памфлетной литературе. Так, один автор

⁶ Для характеристики части коллекции, относящейся к эпохе религиозных войн, использованы результаты дипломной работы А. Вихорева «Французская политическая памфлетистика второй половины XVI века», защищенной на кафедре истории средних веков ЛГУ в 1986 г.

⁷ См. статью Ю. В. Куркиной в настоящем сборнике «Варенский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)».

⁸ Duccini H. Régard... Lindsay R. O. French political pamphlets, 1547—1648. Madison, 1969.

⁹ Jouhaud C. Ecriture... P. 46.
Carrigier H. La Fronde: contestation démocratique et misère paysanne. Paris, 1982. T. I. P. V—VI.

¹⁰ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой 1623—1648). М.; Л., 1948. С. 566.

¹¹ Вызывает сомнение также мысль о том, что чем радикальнее памфлет, тем он ближе ко «взглядам и настроениям народных масс (ср.: Carrigier H. La Fronde: contestation démocratique et misère paysanne. Paris, 1982. T. I. P. V—VI.

памфлета, направленного против фаворита Людовика XIII кардинала Люина, писал: «Я вижу, как бросаются без закона решетку бедные издатели и разносчики книг».¹² Кардинал Ришелье в своей политике по отношению к печати не ограничился мерами репрессивного характера. Ряд авторов, выступавших против политики кардинала, были привлечены им к службе и превратились в апологетов его политики (из числа этих писателей Ришелье и создал Академию, члены которой в дальнейшем способствовали пропаганде политических мероприятий кардинала). Однако действия цензуры были эффективны только в периоды политической стабильности, а они до личного правления Людовика XIV никогда не были длительными. В эпохи политических потрясений и гражданских смут действие цензурных запретов порой фактически прекращалось.

Установить конкретных издателей памфлетов довольно трудно, поскольку характерной для памфлетов была анонимность и авторов и издательств, но памфлеты относились к числу наиболее выгодной для издания книжной продукции.

Распространение книг (и не только памфлетов) в рассматриваемый период, кроме собственно книжных лавок, осуществлялось специальными книгоношами (*colporteurs*). Деятельность их строго регламентировалась Парламентом. В парламентском постановлении от 30 апреля 1578 г. определялся перечень книг, которые могли продавать книгоноши. Однако соблазна получить большую выгоду от продажи столь популярной продукции, как памфлет, толкал разносчиков на продажу запрещенных изданий. Борьбу правительства с распространением враждебных памфлетов затрудняло наличие наряду с профессиональными разносчиками книг большого числа агентов грандов и гугенотов, которые тайно распространяли памфлеты или разклеивали афиши на стенах домов. Что касается правительственных изданий, будь то законодательные акты, информационные листы или памфлеты, то они, естественно, не имели проблем с печатанием, ни с распространением. Исключение составляли периоды Парижской лиги, когда в самом Париже преимущественно выходили памфлеты, направленные против Генриха II, а цензуру в столице осуществлял уже не Парламент, а Генеральный совет Лиги, прибегавший к репрессиям против издателей, выпускающих памфлеты в защиту короля, а также период Фронды, когда печатная кампания против Мазарини достигла наибольшего размаха, а возможности роялистской прессы были крайне ограничены. Однако следует отметить, что с изменением политической ситуации не только в стране, но даже в провинции или городе менялась политика издателя. Если возникла возможность без особого риска указать на титульном листе название своего издательства, издатель предпо-

читал это сделать. Популярный памфлет прибавлял славы издательству. Так, большая часть памфлетов, вышедших после смерти маршала д'Анкара, имеет указание на издательство. Фантастическая непопулярность д'Анкара и всеобщее ликование по поводу его гибели вызвали к жизни волну этих посмертных памфлетов, а издатели максимально использовали создавшуюся ситуацию к своей выгоде.

Потенциальные авторы «просиживали весь день в книжных лавках на площади Мобер или в Сите под предлогом просмотра новых книг или обсуждения проблем стиля и орфографии и хотели получить заказ на стихи или прозу»¹³ и, как правило, именно они писали (по 30 су за лист) «памфлеты, расхвалившиеся сотнями, которые заказывали им агенты принцев или протестантов в их борьбе против короны».¹⁴ Однако, кроме этих случайных уличных поэтов (*poètes crottés*), существовали авторы, представлявшие собой постоянные кадры памфлетистов, и нам известны имена некоторых из них. Эти люди, как правило, входили в клиентелу грандов, как, например, Вожеле у герцога Гизов, Теофиль Вийо у коннетабля Люина, Леонард де Жиак и Анри д'Арше у герцога Эпернона — одного из «героев» французской памфлетистики эпохи Фронды. Были авторы, состоявшие на жаловании короны или Парламента. Наличие сильного покровителя обеспечивало автору и политическую и, что не менее важно, финансовую поддержку, что объясняет существование неизвестных «вкладчиков, которые могли субсидировать издание памфлетов себе в убыток, когда жар, волнение и вкус к ним падали, хотя необходимость убеждения была еще достаточно велика».¹⁵ Эти неизбежно отрывочные сведения об авторах памфлетов склоняют к мысли, что в большинстве своем памфлетистика была не столько непосредственным отражением общественного мнения, сколько орудием пропаганды.

Важной особенностью памфлетистики XVI—XVII вв. было то, что многие памфлеты составляли своеобразные «цепочки» из 7—8 штук. В таких цепочках объектом нападков мог стать собрат по перу из противоположного лагеря, его хозяин и, наконец, группировка или партия, которую они представляли. Возможно и обратное движение, когда памфлетисты увлекались полемикой друг с другом, переходя от обсуждения общих идей к взаимным «цепляниям». Примером может служить цикл памфлетов 1619—1622 гг., в центре которого — фигура коннетабля Люина. Для этого цикла характерны выпады против автора апологий Люину Теофиля Вийо — известного французского памфлетиста и вольнодумца. Автор — защитник аристо-

¹³ Magne E. La vie quotidienne au temps de Louis XIII. Paris, 1946. P. 193.

¹⁴ Ibid. P. 48.

¹⁵ Jouhaud C. Ecriture... P. 48.

¹² Le qu'as-tu veu de la cour. S. I. 1620. P. 14.

кратической оппозиции — обращается к нему со словами: «Ты 2 раза. Не считая повторных упоминаний на страницах одного поносишь принцев, опору наших провинций, чтобы побыстрее поднять трех чернокожишек в ранг полубогов». ¹⁶ Ответы апологетов сходны по тону: «Появляются новые писания, в которых мнимые слуги злословят фаворитов, являющихся ближайшими компаньонами и помощниками его величества». ¹⁷ Таким образом, часть стрел была направлена не в политического противника, а в собрата по перу и уже через него — в деятеля противоположной партии. Эти факты говорят о тенденции к замыканию полемики в кругу спорящих. Среда, из которой выходили памфлеты, была не слишком широкой, и многие авторы, по-видимому, знали друг друга. Характерным для периода XVI—XVII вв. были и бурные, но краткие памфлетные кампании, вспыхивающие порой вокруг малозначительного персонажа или события, являющегося лишь поводом, позволяющим враждебным партиям высказывать обвинения друг другу. Такова, например, полемика вокруг фигуры бордосского священника отца Бонно, весьма уважаемого в городе человека, который умер в самом начале Фронды. Против него направлены основные выпады памфлетистов герцога Эпернона, находившихся во враждебных отношениях с бордосцами. Памфлетисты Бордо встали на защиту Бонно и обрушились на самого цога, который сразу стал центральной фигурой бордосского стихотворного памфлета — бурлеска. Такова примерная схема возникновения памфлетной кампании.

Возможность судить об аудитории читателей памфлетной критики на одном лице легче и эффективнее, чем пытаться изучение исторического материала, используемого в них. Таким путем мы можем определить уровень образованности автора и аудитории, к которой он обращался. Анализ 20 памфлетов из коллекции ЛОИИ, посвященных коннетаблю Люинувявляет достаточно четкую картину.

12 из этих памфлетов — прозаические произведения и 8 — бурлески. В бурлесках исторический материал не привлекался. Для них характерна злая язвительность, подчас откровенно грубая критика личных качеств фаворита, а также значительное, по сравнению с прозаическими памфлетами, число страниц (максимум 6—8). В них нет исторических аналогий, больших цитат, латинизмов, единичны примеры использования в качестве эпитетов имен мифологических персонажей. Иная картина появляется при чтении прозаических памфлетов. В 10 памфлетах из 12 — масса примеров, цитат, упоминаний о событиях античной и средневековой французской истории. Так, события и герои греческой истории упоминаются в этих памфлетах 9 раз, латинской истории — 29 раз, мифологии (античной и библейской) — 41 раз, французской истории —

20 раз. Не считая повторных упоминаний на страницах одного памфлета, мы имеем дело примерно со 110 случаями использования исторического материала в общей сложности на 120 страницах текста. Причем это не трактаты, а именно памфлеты. В этих 10 памфлетах имеются ссылки на Марка Аврелия, Плутарха, Диогена, Страбона, Сенеку, Цицерона, Тита Ливия. Авторы упоминают о Цезаре, Катилине, Долабелле, Антипатре, Геллае, Бруте, Кассии. Авторы не претендуют на серьезные философские обобщения или анализ конституционных прецедентов. Большой частью они обращаются к ним для примера-иллюстрации. Однако памфлеты, снабженные широким историческим аппаратом, были предназначены для образованных читателей. На преобладание образованных людей среди читателей памфлетов указывают данные о клиентах книготорговца Николая в Ренoble, подтверждающие преобладание чиновников среди покупателей сотен мазаринад. ¹⁸ По-видимому, в большинстве своем и авторы, и читатели памфлетов принадлежали к широкому и разнообразному кругу чиновников, юристов, профессиональных литераторов, просвещенных буржуа и, наконец, членов аристократических клиентел любого социального происхождения. Именно для суждения о «взглядах и представлениях» этого круга лиц мы и вправе использовать памфлеты. Для политической прессы XVI—XVII вв. типичны памфлет-карные кампании, объектом которых становятся политические деятели, такие, как Мазарини, д'Анкр, Люин. Сосредоточить огонь критики на одном лице легче и эффективнее, чем пытаться захватить этой критикой в небольшом памфлете всю партию. Пороки и недостатки можно экстраполировать на других деятелей этой партии, на их политическую практику. Это привлекало аудиторию, так как «сильный мира сего» вдруг предстал перед читателем, осыпaeмый оскорблениями и насмешками бойкого и язвительного памфлетиста. Обывателю часто недоступно детальное критическое сочинение о программе какой-либо партии, в то время как памфлет позволял приподнять завесу, скрывающую политическую практику в верхних эшелонах власти и был ориентирован, безусловно, на весьма широкую аудиторию.

Что же могут нам дать образчики организованной пропаганды? Если «независимый» памфлет, весьма редкий в XVI—XVII вв., является непосредственным отражением общественного мнения, то и написанный по заказу памфлет, хотя бы и освоенно, но отражает его. Более того, организованная пропаганда, возможно, даже яснее отражает наиболее распространенные в обществе того времени политические идеи. Памфлетистика «независимая» могла позволить себе высказать идеи, которые не получили распространения в обществе, она могла

¹⁶ Remontrance à Theophile. S. I., s. d. P. 4.

¹⁷ Monstre à cent testes. S. I., s. d. P. 7.

¹⁸ J. H. Aud C. Ecriture... P. 47.

быть выражением авторского кредо, отголосками философского, или богословского спора. Партийная же памфлетистика должна была избегать чрезмерной парадоксальности, своего рода экспериментирования в области идей, поскольку перед любой партией стояли реальные политические задачи. Пропагандирование уже популярной в обществе идеи, представление своей партии как проводника этой идеи, способствовало усилению авторитета и популярности партии. Однако попытка «освятить» авторитетом партии непопулярную или просто нераспространенную в обществе идею не могла быть полезной для партии. Партийная пресса опиралась на наиболее распространенные в обществе идеи и, таким образом, отражала их. Она позволяла составить представление о комплексе как популярной идей и образов, которые она ассоциирует со своей партией, так и непопулярных идей, носителями которых изображаются политические противники.

Таких основных идей можно назвать три: национальная, монархическая, религиозная.

Игра на национальных, монархических и религиозных чувствах французов, стремление максимально исказить моральный облик противника, преподнести своих соратников как образцов добродетели — эти приемы характерны для французской памфлетистики. Попробуем проследить на некоторых примерах, как строили свою пропаганду и какие полемические приемы использовали. Для памфлетов второй половины XVI — первой половины XVII вв. существенным является вопрос о вмешательстве иностранцев в дела государства и о правомерности опоры на соседние державы во внутривластной борьбе. В начале религиозных войн понятия «француз» и «католик» были слиты воедино. В глазах католиков гугеноты предавали национальные интересы тем, что оставили истинную религию и призвали на помощь иностранцев. Особенно яростными эти упреки становились после Варфоломеевской ночи, когда связи гугенотов с Англией и протестантскими государствами Германии и Нидерландов; что вызывало гнев со стороны католиков.¹⁹ После 1585 г., когда экстремистские элементы Лиги делают выбор в пользу «испанской» партии настает черед протестантской партии обличать противника в предательстве национальных интересов. И уже авторы лигерских памфлетов обращаются к национальному чувству французов и одновременно пытаются найти оправдание тому, что католики прибегают к иностранной помощи.²⁰ Во всяком случае, характерно стремление либо вообще

отмежеваться от своего союза с иностранной державой, либо, если дело получало огласку, попытаться найти оправдания этому союзу в глазах современников, ссылаясь на национальные интересы Франции. Аналогичные сюжеты мы встречаем в памфлетистике второго десятилетия XVII в. Вновь имеют место обвинения (причем взаимные) в предательстве национальных интересов Франции, засилии иностранцев, зависимости от иностранной помощи. Эти обвинения звучат в памфлетах партии грандов против правительства в период подготовки заключения испанских браков, затем уже правительственные памфлеты в период смуты 1619/20 г. начинают адресовать подобные упреки грандам.²¹ И конечно, иностранное происхождение двух временщиков — маршала д'Анкара и коннетабля Люизмена Франции в пользу Испании и Рима.²² Аналогичны обвинения в адрес «иностранца» Мазарини. Однако трудно согласиться с Б. Ф. Поршневым, оценивающим идеи, сформулированные в прессе Фронды «по поводу» Мазарини, как революционно-патриотические.²³ Задачей публицистов было не революционизирование национальных концепций, а обеспечение видимости того, что именно деятели их партии являются истинными патриотами страны. Именно поэтому все памфлетные циклы обнаруживают большое сходство в характере аргументации позиции авторов, подборе фактов и их оценке. Последовательный монархизм также является общей чертой французской памфлетистики XVI—XVII вв., причем не только официальной, но и антиправительственной. Так, в памфлетной кампании гугенотов 1562—1567 гг. король не подвергается никакой критике (все выпады направлены против Гизов). Авторы гугенотских памфлетов заявляют, что именно Гизы, узурпировавшие власть и потому правящие незаконно, являются истинными виновниками всех зол, постигших Францию, и что цель добрых граждан — способствовать свержению Гизов, дабы дать возможность королю проводить в жизнь свои эдикты. Сорок лет спустя, в памфлетах гражданских войн начала XVII в., направленных против д'Анкара и Люизмена, оппозиционная печать также находит способ, с помощью которого, не подвергая прямо сомнению справедливость воли короля, можно заставить читателя усомниться в том, что люди, стоящие у трона, действуют на благо Франции. Высказывается мысль, что король ослеплен и очарован и его воля не что иное, как желания самих фаворитов; коварно внушенные юному королю. Автор

¹⁹ Yardeni M. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion. Paris, 1972.

²⁰ Réponse à anti-Espagnol des hérétiques politiques et navarrois. S. 1., 1590. P. 10.

²¹ La Fulminante contre les calomnieurs. S. 1., 1620; La chronique des favoris. S. 1., s. d.

²² L'avant-courrier du guidon françois. S. 1., 1620; L'ombre de marquis d'Ancre à la France. S. 1., 1620.

²³ Поршнев Б. Ф. Народные восстания... С. 566.

одного из памфлетов обращается с призывом к согражданину «Вы видите ущерб, который наносится королю и вам самим. Три гарпии (имеется в виду Люин и его братья) очаровали нашего юного короля и внушают ему все, что хотят. Они убили и оболестили его. Мы видим это и не говорим слова». ²⁴ Заключаются такого рода памфлеты обычно призывами сплотиться для защиты Франции и короля от негодных правителей. Эти призывы характерны и для памфлетов Фронды, в которых основная доля вины возлагалась на Мазарини. Б. Ф. Поршнев справедливо указывал на наличие в прессе Фронды республиканских идей, обвинений королевской власти в тирании, высказываний о взаимных обязанностях короля и народа. ²⁵ Однако Б. В. Поршнев опирается на «наиболее радикальные» памфлеты Фронды. Для основной массы памфлетов все же был характерен устойчивый монархизм, несмотря на критику правительства (но не самого короля). По замечанию Ю. Карье, «радикальные памфлеты были малочисленны не в силу случайных обстоятельств, а потому, что не отражали мнения подавляющего большинства». ²⁶ К тому же идеи эти отнюдь не были открытием фрондерской публицистики. Аналогичные концепции присутствуют в гугенотской памфлетистике 70-х годов XVI в. ²⁷ Некоторые памфлетисты даже считали, что убийство тирана есть дело, угодное богу. Интересно, что подобные мысли высказываются и в прессе католической лиги, инспирированной герцогами Гизами. Однако их уже невозможно заподозрить в республиканизме. Что касается прессы гугенотского толка, по справедливому замечанию С. Д. Сказкина, «народ о котором говорят эти памфлеты, это „лучшие“, „пэры“, „париии“ — наименования, которые не оставляют никакого сомнения в том, что под народом эти публицисты понимают всегда аристократию, высшее дворянство, которое представляет вое за народ». Естественно, что и в период Фронды централизация и бюрократизация власти встречают прежде всего недовольство не отдельных авторов-республиканцев, а аристократии провинциальных властей и чиновничества.

Играя на религиозных чувствах французов, авторы памфлетов зачастую использовали в своих сочинениях демонологические мотивы, т. е. обвинения в колдовстве, сговоре с дьяволом и т. д. Направлены эти обвинения были против политических деятелей, не пользовавшихся популярностью в стране. В XVI—XVII вв. обвинения в колдовстве были очень серьезны и влияли на отношение к человеку в самых разных, в том числе об-

званных слоях общества. ²⁸ Быстрое возвышение политического деятеля, ничем в глазах современников не заслуженное, легче всего было объяснить сговором с нечистой силой. В одном из памфлетов антилюиновского цикла говорится о том, что «если демон внушил Анкру, как выбиться наверх, то Люина учили этому, наверное, 20 демонов». ²⁹ В том же памфлете подробно описывается сговор будущего коннетабля с нечистой силой в одном из провансальских трактиров, причем для большей убедительности приводится описание всего процесса сговора и тексты клятв. ³⁰ Колдовские рецепты и секреты ведовства были весьма популярны в различных слоях населения Франции, им верили многие, и «достоверность» изложенного в памфлете подкреплялась включениями в текст подобных рецептов и секретов. Подобные приемы в равной мере характерны и для эпохи религиозных войн, и для периода Фронды.

Такова в общих чертах картина французской политической памфлетистики Старого порядка. Основной формой политической борьбы на протяжении XVI—XVII вв. был конфликт аристократических группировок, и памфлет был орудием этих группировок. В этом принципиальное отличие памфлетистики Старого порядка от гораздо более широкой по кругу авторов, более радикальной и действительно в большей мере независимой прессы эпохи Революции.

²⁸ Mandrou R. Magistrats et sorciers. Paris, 1969.

²⁹ Magie des favoris. S. I., s. d. P. 13.

³⁰ Ibid.

Ирина Алексеевна Шпаковская

РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Среди многообразных печатных изданий XVI—XVIII вв. можно выделить два основных типа произведений политической пропаганды — памфлеты и информационные бюллетени, причем последние, в свою очередь, можно разделить на разовые и периодические. В основе различий этих типов изданий лежали разные механизмы воздействия на общественное мнение. Эти механизмы можно обозначить как приемы открытого и скрытого комментирования. Для памфлетов характерен в первую очередь открытый комментарий, т. е. прямое осуждение или восхваление, хотя иногда и они содержат элементы политического информирования. Для информационных бюллетеней прямые пропагандистские высказывания являются редкостью, однако подача формально не комментированного сообщения

²⁴ Le jugement de Minos contre les trois geryons qui pillent France. S. I., 1620. P. 4.

²⁵ Поршнев Б. Ф. Народные восстания... С. 568.

²⁶ Carrier H. La Fronde... T. I. P. V.

²⁷ France-Turquie, les lunettes de crystal. Genève, 1573.

осуществляется таким образом, чтобы выставить в выгодном свете «заказчика» произведения и, напротив, в невыгодном его противников. Это, разумеется, не исключало и самостоятельного значения задачи политического информирования. Рассмотрим некоторые аспекты политической пропаганды посредством информационных изданий на примере наиболее значительного из них — «Газеты».

Политическая информация существовала и до появления книгопечатания,¹ но изобретение Гутенберга привело к ее ускоренному развитию. Стали появляться различные «Альманахи», «Календари», выходившие раз в год. Сообщения о различных политических событиях сочетались в них с медицинскими рецептами, занимательными статьями на «научные» темы и т. п. Появились и политические памфлеты. Судя по каталогу «летучих листков», выпускавшихся во Франции с 1498 по 1559 гг. изданий, посвященных информации на политические темы, было выпущено больше всего.² Рассказом о военных действиях Франции за рубежом посвящено 31,4% всех изданий, французской дипломатии — 17,8%. На втором месте — хроника придворной жизни: 27,8% изданий посвящено жизни короля, двора, графов. Важно отметить, что сюжеты «светской хроники» тогда носили серьезный политический характер. Любой рассказ о придворной церемонии преподносился и воспринимался как событие государственной важности. Больше всего листков издалось в годы военных успехов Франции и вступления на престол нового короля. Эти пики выделяются на общем фоне роста количества «летучих листков».⁴

К XVI в. читательская аудитория значительно расширилась. На протяжении XV в. количество грамотных возросло в пять раз. Пользовались спросом как издания на политические темы, так и повествующие о чудесах, стихийных бедствиях, преступлениях. Изучение дневников верхушки парижской буржуазии позволяет зафиксировать интерес и к тем и к другим сообщениям. Так, анонимный автор так называемого «Журнала парижского буржуа», относящегося к правлению Франциска I или Пьер де л'Эстуаль, парижский буржуа конца XVI в., включает в свои записки бюллетени, сообщаемые о коронациях нового монарха, различных слухах и предзнаменованиях, преступлениях, событиях придворной жизни.⁵

Стремление грамотного населения быть информированным о текущих новостях влияло на успех различных печатных изданий.

¹ Gauvard C. L'information politique sous Charles VI. Paris, 1972.
² Histoire générale de la presse française. Paris, 1968. Т. 1. P. 76.
³ Séguin J.-P. L'information en France de Louis XII à Henri IV. Genève, 1961.
⁴ Подсчитано по данным каталога.
⁵ Journal du bourgeois de Paris/Ed. V.-L. Bourilly. Paris, 1898; L'Estimoteur. Paris, 1966.

Кроме «летучих листков», удовлетворению потребности в информации служили «газеты от руки». Они составлялись преимущественно почтмейстерами, которые переписывали и распространяли за плату сведения, предназначенные для дворов и учебных фирм.⁶ Постепенно разовые информационные издания превращались в периодические. Считается, что первая еженедельная газета в Европе стала издаваться в Страсбурге в 1609 г. «Газета» появилась в 1631 г. Именно тогда стоял вопрос о принципиальном выборе пути политического развития Франции, причем борьба велась вокруг внешнеполитической ориентации. И до Газеты во Франции уже существовали другие периодические издания. С 1611 г. издавался ежегодник «Французский меркурий», дававший внешне- и внутривосточную информацию, помещавший полемические произведения. Год-полтора просуществовала еженедельная газета «Обычные новости» королевских издателей Вандома и Мартена. Она начала выходить на полгода раньше Газеты, но по неясным причинам не была поддержана правительством. Ришелье хотел, чтобы существовал только один еженедельник, и «Обычные новости» были запрещены. Сохранилось только несколько номеров этого издания, из которых видно, что Газета и «Обычные новости» черпали сведения из разных источников.⁷ Появление Газеты связано, по-видимому, с политической конъюнктурой. В начале 30-х годов особенно актуальной становится задача убедить недовольных правлением Ришелье в правильности внешней политики, привлечь на свою сторону общественное мнение. Для целей пропаганды уже в 20-х годах для Ришелье работали несколько профессиональных памфлетистов (Фанкан, Сирмонд, Ле Гэ и др.), доказывавших правомочность союзов с протестантами и неверными для борьбы против иезуитов-католиков.⁸ С начала 30-х годов акцент правительственной пропаганды переместился на регулярное политическое информирование, главным органом которого стала «Газета» („Gazette”). Ее издателем стал Теофраст Рендо (1586—1653). Он закончил юридический факультет в Монпелье, много путешествовал по Европе для совершенствования образования. Это был человек широких интересов — его привлекала не только медицина, но проблемы химии, распространение образования, положение бедных и нищих. До появления Газеты он уже был знаком с издательской работой, ибо выпускал объявления своего

⁶ Гольдберг А. Л. Первые немецкие газеты, хранящиеся в ГПБ М. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды ГПБ IX (12). Л., 1961. С. 190.
⁷ Dahl F., Petibon F., Boulet M. Les débuts de la presse française. Göteborg; Paris, 1951. P. 26—33.
⁸ Church W. F. Richelieu and reason of state. Princeton, 1972. P. 341; Agniesz G. L'opinion publique et la presse sous Louis XIII (1621—1626) // Revue d'histoire diplomatique. Vol. XIV. 1900.

«Адресного бюро» о купле, продаже, найме и писал «газеты от руки», которые раздавал больным для развлечения. В «газетах» он помещал различные забавные истории. Для печатного же органа абсолютизма требовалась иная тематика. Действуя под руководством Ришелье, Ренодо изменил характер своей деятельности.

Газета, появившаяся в конце мая 1631 г., сразу продемонстрировала свой чисто политический характер (такой она оставалась все время ее существования). Ренодо издавал Газету конца своих дней. Во время Фронды он остался верен правительству Мазарини и сопровождал двор, бежавший из Парижа в Сен-Жермен, где продолжал издавать Газету до возвращения в столицу. После смерти издателя его дело продолжил сын. В XVIII в. разные лица владели Газетой, пока в 1761 г. она не стала редактироваться министерством иностранных дел. Тогда же она была переименована во «Французскую газету» („Gazette de France”) и стала выходить два раза в неделю.⁹

В ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеются два комплекта Газеты (из библиотеки Залуских и из библиотеки Волтера). Оба комплекта содержат номера за 1631—1745 гг. с некоторыми исключениями.¹⁰

Формат Газеты на протяжении полутора веков оставался постоянным (22,5×15 см), менялся лишь объем. Газета выходила на четырех страницах только в 1631 г., с 1632 Ренодо разделил ее на две части: «Обычные новости» (4 с.) и «Газета» (4 с.). Ежемесячно издавались дополнительные выпуски — «реляции о новостях со всего мира». С 1634 г. не всегда регулярно издавались экстренные выпуски на четырех страницах и больше. Шрифт для Газеты использовался все время один, а для экстренных выпусков — мельче или крупнее обычного.

Газета оформлена очень просто, и украшает ее только замысловато гравированная заглавная буква. Название, написанное необычным шрифтом, существовало недолго. Текст на страницах печатался одной колонкой. Статьи с новостями из зарубежных городов шли всегда одним абзацем, даже если сообщали о разных событиях. На абзацы делились только статьи с французскими новостями. Некрупный шрифт в сочетании со сплошным размещением текста показывает, что Газета предназначалась для чтения подряд. Ее текст не был приспособлен для того, чтобы «пробежать его глазами» в поисках интересующих читателя имен или названий (такой способ чтения того время, по-видимому, не был распространен).

«Журнал ученых» (издавался с 1665 г.) восполнял отсут-

⁹ Rossel A. *Le faux grand siècle*. Paris, 1982. P. 32.

¹⁰ Каталог газет на иностранных языках в фондах ГПБ (1631—1916). Вып. 1—2. Л., 1967.

ствие в Газете научной и культурной информации¹¹, а «Галантный меркурий», основанный в 1672 г., публиковал все типы текущих новостей: политику, науку, театр, сведения о женитьбе, смерти (в XVIII в. он существовал под названием «Меркурий Франции»).¹²

Пресса Старого порядка привлекала интересы исследователей с XIX в. Отцом истории журналистики считается Э. Атен. Его интересовали фактическая сторона истории издания, личность Ренодо, положение публицистики и публицистов в XVII в.¹³ Событийной историей занимались Ж. де ла Туретт, И. Саломон, Гранж де Сюржер, А. И. Шоша и др.¹⁴ С 60-х годов нашего века во французской историографии обозначился новый подход к изучению истории прессы. Политическая печать стала источником для изучения такой широкой проблемы, как массовое сознание социальных групп.¹⁵ Однако Газета не стала пока предметом такого рода исследования.

Мы рассматривали методы воздействия Газеты на аудиторию, опираясь на теорию информационно-психологического воздействия на подсознание читателей. Эта теория начала разрабатываться с конца XIX в. и в XVII в., разумеется, не была известна. Однако простейшими методами скрытой пропаганды, требующими глубокого знания психологии восприятия, издавали и политики XVII в. владели. Об этом говорит, в частности, письмо историка и поэта Пелиссона Кольберу от 1671 г. Ему поручили написать историю войны Людовика XIV за Нидерланды в 1667—1668 гг. Главную задачу автор видел в том, чтобы «обрисовать все доблести короля, дать увидеть его величие... путем скрытого сравнения его с другими суверенами, которое читатель сам сделает... Надо хвалить короля всюду, но так, чтобы сказать это без хвалебных слов, рассказывая обо всем, чтобы можно было будто бы увидеть, как он поступает, чтобы это было живо, интересно и сдержанно... Чтобы тому лучше поверили, не следует говорить о нем великолепных похвал и эпитетов, надо их вырвать из уст читателя разговором о делах короля».¹⁶

¹¹ Duchêne R. *Lettres et gazettes au XVIIe siècle* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1971. Vol. XVIII. P. 492.

¹² Mac Pherson H. D. *Censorship under Louis XIV*. New York, 1929. P. 95.

¹³ Hatin E. *Histoire politique et littéraire de la presse en France*. Paris, 1859. T. 1.

¹⁴ Texier E. *Histoire des journaux*. Paris, 1850; La Tourette G. *Historique et biographique de la „Gazette“*. Paris, 1902—1906. T. I—IV; hauchat A. M. *La curieuse et grande figure de Th. Renaudot*. Paris, 1937.

¹⁵ Chartier R., Nora P. *Le livre, un changement de perspective*. Faire de l'histoire. Paris, 1974. T. III. P. 115—136.

¹⁶ *Lettres, instructions et mémoires de Colbert* / P. P. Clement. Paris, 1868. T. V. P. 531—532.

Для того чтобы судить по Газете о массовом политическом сознании, следует прежде всего определить те слои, где получила распространение. Об аудитории Газеты существуют немногие прямые источники, и можно только с осторожностью экстраполировать локальные данные на более крупные районы страны. В первую очередь следует учесть уровень грамотности французов XVII в. Можно говорить о трех типах грамотности: умение только читать, но не писать; умение читать, элементарные навыки письма и счета; образование в полном смысле этого слова. Представителей первого типа грамотности, т. е. крестьян и небогатых ремесленников, среди читателей Газеты не могло быть много. Второй уровень грамотности характерен для средних слоев горожан, составлявших, по-видимому, 10—15% читателей. Настоящее же образование обычно получали в коллежах. Анализ социального состава учеников иезуитских коллежей — самых лучших и распространенных учебных заведений во Франции — показывает, что большая часть их составляли чиновники, потом купцы, меньше буржуазии и ремесленников и почти всегда мало дворян (не более 10%).¹⁷ Дворяне чаще всего получали домашнее образование и неграмотных среди них не было.¹⁸ Среди образованного населения, кроме дворян, находились робены, средние чиновники, верхушка буржуазии.

О социальной аудитории Газеты косвенно свидетельствует и то, что интересы ее читателей были почти исключительно серьезные, политические. В ней очень мало неполитической информации, той, что составляла содержание информационных листков для народа, так называемых «canards» — «уток», кому неинтересна или ненужна политика, в них печатались рассказы о стихийных бедствиях, чудесах, зверствах, ужасах.¹⁹ Все необычное особо подчеркивалось, чтобы потрясти воображение обывателя. Немудреная мораль говорила о справедливости божьего промысла, о страшных наказаниях преступников. Иногда подобные сюжеты появлялись и в Газете, но стиль ее рассказов на эту тему совершенно иной — сухой, информативен, в чем-то близок к современному. Следовательно, читателя Газеты не нужно было завлекать сенсационной информацией — он был достаточно образован, чтобы интересоваться серьезными вещами.

Для прямой характеристики аудитории читателей Газеты имеются уникальные сведения. Это записи гренобльского кни-

продавца Ж. Николя.²⁰ В списке должников значатся 460 покупателей, из них 123 покупали Газету (известно их социальное положение). Среди священников, низших чиновников, купцов и ремесленников процент интересующихся книгами ощутимо (в 1,5—2 раза) выше, чем интересующихся Газетой, а среди титулованных дворян, военных, высшего и среднего чиновничества — наоборот. И в абсолютном значении, и в процентном отношении больше всего Газетой интересовались судебные чиновники: 49 человек — 40% (за 100% принято общее число покупателей Газеты). Меньше всех составляют купцы и ремесленники: 10 человек (8%). Газета существовала для социальной элиты, дворян и робенов, которые составляли важный механизм монархического государства и в информировании которых по-прежнему было заинтересовано.²¹ Гренобль, видимо, типичен для континентальных городов Франции. Иначе картина распределения интереса к Газете выглядит в океанических портах. Там купцы и ремесленники являются главными потребителями политической и военной информации, поскольку им необходим был именно этот тип информации для ведения своих дел.²²

Следует подчеркнуть, что журналистам XVII в. был известен принцип ориентации содержания того или иного издания на запросы определенной социальной группы. Каждое из перечисленных выше французских периодических изданий XVII—XVIII вв. имело свою читательскую аудиторию. Типичность в этом плане Газеты подчеркивается примером «Галантного меркурия», издатель которого Донно де Визе в предисловии к первому номеру в 1672 г. перечислял основные темы, по которым намеревался печатать информацию. Это сообщения о женитьбах и смертях, доблести военных, деяния короля, процессы, об иностранных гостях столицы.²³ В перечне отсутствует основное, что было в Газете, — внешнеполитическая информация. Издатель «Галантного меркурия» не собирался печатать статьи на такие темы, потому что рассчитывал на аудиторию, состоящую главным образом из дам. Редактор вполне осознавал это и поддерживал их интерес к изданию даже специальным оформлением материала (статьи-письма обращались к некоей высокопоставленной корреспондентке).²⁴ Свою аудиторию имел «Журнал ученых».

Ренодо в 1634 г. писал в предисловии к экстремному выпуску № 90: «Здесь милосердие найдет, чем ободриться, госу-

²⁰ Martin H.-J., Lecocq M. Livres et lecteurs à Grenoble. Les registres du libraire Nicolas (1645—1668). Genève, 1977. Т. 1—2.

²¹ Chartier R. Gazettes et pamphlets en France au XVIIe siècle // Histoire de l'édition française. Paris, 1982. Т. 1. P. 28.

²² Feyel G. La „Gazette“ en province à travers ses réimpressions. 1631—1752. Amsterdam; Maarsen, 1982.

²³ Duchêne R. Lettres... P. 489.

²⁴ Vincent M. Le Mercure galant // XVIIe siècle. 1984. N 144. P. 241—242.

¹⁷ Mandrou R. La France au XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1960. P. 282—283.

¹⁸ Constant J.-M. Nobles et paysans en Beauce. Lille, 1981. P. 4.

¹⁹ Séguin J.-P. L'information en France avant le périodique. Paris, 1978. P. 23, 27.

дарственные советники (conseillers d'Etat) — с кем иметь дело финансисты увидят, как плохо не знать, кому платить, а военные — что везде вооружаются».²⁵ По-видимому, для этих слов Газета была важным источником политической и отчасти деловой информации.

Известно, что только высшая аристократия, на которую распространялась монополия королевской администрации и внешнеполитические новости, презирала Газету. Аристократы имели личных секретарей, которые вели широкую переписку с корреспондентами-информаторами в Европе. Секретари получали и предоставляли господину информацию, отличную от той, что давал читателям Ренодо. «Синдикат» для обмена новостями создал герцог де Лонгвиль с друзьями, ибо они «много верили официозу Ренодо».²⁶

Газета в основном предназначалась парижанам, но интерес к ней был велик и в провинциях, где печатались ее копии иногда с некоторыми изменениями. В разное время 38 французских городов переиздавали Газету. Провинциальные издания отвечали требованиям локальных элит, жадных до свежих новостей. Наибольшая плотность распространения наблюдалась в северной части Франции. В переиздании происходили последовательные пульсации, тесно связанные с периодами войн, которые повышали интерес к Газете.²⁷

Тираж Газеты на протяжении XVII—XVIII вв. возрастал. Известно, что в 1638 г. печаталось 1,2 тыс. экз.²⁸ В 1670 г. — 3,4—4,8 тыс., в 1700 г. — 7,2—9,4 тыс., в 1749 г. — 6,8—8,8 тыс.²⁹ В 1644 г. у Ренодо имелось четыре прессы, что позволяло за один день отпечатать весь тираж (до 1,5 тыс. выпусков по 12 страниц каждый).³⁰ Газета распространялась по-разному: ежегодным абонементом, продажей годовых сборников, продажей отдельного номера в лавке или на улице, абонементом на право читать у книгопродавца. Годовой абонемент стоил в Париже 20 ливров в 1633 г., 28 — в 1655 г. В провинции цена была ниже: в Гренобле — 5—6 ливров в год, в Лионе — 12.³¹ Один выпуск стоил 4 су — тогда на эти деньги можно было купить 0,9 кг белого хлеба или 1,8 кг черного.³² Данные о тираже и цене Газеты также свидетельствуют о том, что о

в основном распространялась в сравнительно узком кругу состоятельных людей.

Главным лицом, следившим за содержанием Газеты, был кардинал Ришелье. В его бумагах остались заметки о том, что он посылал Ренодо указания и материалы для печати.³³ Кардинал велел послам, генералам и интендантам посылать Ренодо репортажи с описанием событий — копии тех, что направлялись министрам. Иногда Ришелье приостанавливал выход Газеты для опубликования важных сообщений.³⁴ Кроме того, Ришелье иногда сам писал статьи для Газеты, то же делал и Людовик XIII.³⁵

Непосредственно контролировали Газету ближайшие советники Ришелье: сюринтендант финансов Бутилье и министр иностранных дел Шавиньи. Ренодо помогал писать для Газеты крупный историк Мезре, королевский генеалогист П. д'Озье, выдающиеся писатели Ля Кальпронед, Вуатюр. Под их влиянием Газета стала одним из важнейших звеньев королевской пропаганды.

Издавая Газету, Ренодо осознавал, что начал большое и важное дело. По его мнению, ее роль состоит в том, чтобы правильно и своевременно оповещать читателей о происходящем, «чтобы помешать распространению ложных слухов, вызывающих зачастую волнения и мятежи. Частные лица будут использовать даваемую информацию для ведения своих дел».³⁶ Действительно, как отмечал Б. Ф. Поршнев, слухи в то время играли значительную роль как поводы к восстаниям.

Ренодо часто писал в Газете о своем стремлении к объективности в освещении событий. Для этого он добивался беспристрастности изложения, но то, как он ее понимал, вряд ли может действительно назваться беспристрастным: Ренодо писал, что он должен с одинаковым выражением, спокойно рассказывать о любых событиях, «будь то добрый успех, который сейчас наблюдается в делах Франции, или же затруднения, которые встречаются в делах остальных»³⁷ (иной ситуации он не рассматривал).

На первый взгляд Ренодо действительно только сухо и бесстрастно излагал события, избегая прямого комментирования. Такие некомментируемые сообщения с точки зрения современной теории прессы дают возможность их многовариантного истолкования. Повышенная многозначность некомментируемого сообщения по-разному воспринимается людьми с разными уровнями образованности и знаний. Его восприятие

²⁵ Выпуск содержал: мученичество 85 августинцев; список государей господ, собравшихся во Франкфурте; заявление графа Мансфельда герцога Нейбурга; взятие Рейнсфельда с условиями сдачи

²⁶ Duchêne R. Lettres... P. 499.

²⁷ Feyel G. La „Gazette”...

²⁸ Gazette. 1638. 1 mai.

²⁹ Feyel G. La „Gazette”...

³⁰ Chartier R. „Gazettes”... P. 26.

³¹ Ibid. P. 27.

³² Solomon H. M. Public welfare, science and propaganda in seventeenth-century France. Princeton, 1972. P. 120.

³³ Church W. F. Richelieu... P. 341.

³⁴ Попов Ю. В. Теофраст Ренодо — основатель французской журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. журналистика. 1978. № 4. С. 46.

³⁵ Solomon H. M. Public welfare... P. 131.

³⁶ Попов Ю. В. Теофраст Ренодо...

³⁷ Recueil des Gazettes. 1632. P. 87.

обусловлено мировоззрением читателя, а оно в каждую эпоху для каждой социальной группы в целом довольно определенно. Зная уровень подготовленности аудитории, можно только подбирать материал добиться понимания события определенным образом. Некомментированное сообщение дает возможность не мекать на благополучие врага или очернить его без всякой аргументации, причем читатель будет считать, что он самостоятельно сделал все выводы. Оно особенно эффективно при воздействии на аудиторию планомерно и длительное время — именно в периодике.³⁸ В Газете Ренодо использовались тенденциозный подбор материала, прямые замалчивания неблагоприятных событий.

Судить о широте политического кругозора читателей Газеты можно по количеству упоминаемых в ней имен политических деятелей, а также по тому, объяснено ли читателю, кто они такие, или они ему должны быть известны. В Газете говорится о многих лицах, и частота их упоминаний, конечно, зависит от их роли в делах государств. Наиболее часто пишется о ближайших друзьях и самых опасных врагах. О многих кардиналах, иностранных полководцах говорится как об известных лицах. Только когда речь идет о незначительных деятелях, называется лишь их должность (без имени) и к какой партии они принадлежат. Уже номер первый в коллекции полиграфических рассчитывает на то, что читателям известны венгерский государь Дьердь Ракоци, кардинал Тадео Барберини, Оксеншерн Фридрих Пфальцский, маркиз Дурлах, не говоря об императоре, Тилли, Паппенгейме, монархах. Политический кругозор читателей Газеты представляется весьма широким, а тот факт, что однажды представленные лица часто в следующих номерах Газеты фигурируют как известные, говорит о постоянном аудиторией издания.

Для выяснения методов информационного воздействия Газеты на аудиторию нами было рассмотрено распределение материалов Газеты по темам. Мы выделили 6 основных тем: военные действия, дипломатия, светская (придворная) хроника, религиозные вопросы, внутренняя политика (администрация, юрисдикция, промышленность и торговля), различные случаи (неполитическая информация). Изучение характера информации проведено с помощью выборочного обследования нескольких десятков номеров. Для анализа были взяты 4 года середины XVII в. и 2 года XVIII в., выбранные с таким расчетом, чтобы они по возможности отражали разные внешне- и внутрисполитические ситуации.⁴⁰ (из каждого года брались по 5 выпусков за случайные числа).

³⁸ Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. М., 1971; В. Л. сов Ю. М. Пропаганда за фасадом новостей. М., 1976.

³⁹ К сожалению, этот анализ не абсолютно «чист». Дело в том, что коллекция полиграфии начинается с № 2, помеченного, как и № 1, буквой (Dahl F. e. a. Les débuts... P. 24). Настоящий первый номер представлен на фотографии в Histoire générale de la presse française.

⁴⁰ 1631 г. — год появления Газеты — трудный для союзников Франции, неприятный для нее самой. 1639 г. — дела Франции в Европе идут лучше, нее есть верный союзник. 1648 г. — победа Франции в Германии, смуты в Англии. Информация о положении во Франции отсутствует. 1672 г. — год успешного начала войны Франции против Голландии, расцвет правления Людовика XIV. 1732 г. — мирный для Франции год, в Европе не ведутся войны. 1745 г. — последний в коллекции ГПБ — Франция без союзников участвует в войне за австрийское наследство.

вования Газета удивительно мало внимания уделяла этим просам, но затем значительную долю составил показ благочестия государей — французских и дружественных Франции. Менее всего внимания Газета уделяла разным необычным случаям.

Тематика статей Газеты указывает круг интересов аудитории: «благородное» военное дело, тонкости дипломатии, жеманство придворных — темы, достойные внимания дворянства и высшего чиновничества. Новости промышленности и торговли почти всем отсутствуют, и только в XVIII в. появляются довольно-таки гулярные сообщения о курсе акций некоторых зарубежных торговых компаний. Впрочем, это интересовало не только купцов, ибо среди собственников акций были чиновники и дворяне.⁴¹

В Газете использовался подбор фактов, говорящих в пользу Франции и против ее врагов, хотя в ней встречается и «нейтральная» военная информация. «Направленные» военные дипломатические сообщения говорят о следующих сюжетах: успехи друзей и поражения врагов, успехи Франции, нападения врагов Франции. Наличие сообщений на последнюю тему, видимо, связано с «предупреждающим» характером Газеты (говорить о том, как жесток и опасен враг — тоже способ оправдать войну против него). Интересно проследить изменение минимума и максимума количества сообщений по этим темам во время Тридцатилетней войны. За 1631, 1639 и 1648 гг. можно отметить рост количества сообщений об успехах Франции, уменьшение сообщений, посвященных успехам друзей, большое число сообщений о насилиях и успехах врагов. Это изменение адекватно отражает изменение роли и успехов Франции в войне.

Заголовки экстренных выпусков за 1634 г. позволяют дополнить эти наблюдения. Важность заглавия тогда уже была оценена, и в экстренных выпусках заглавия печатались особым крупным шрифтом, а подзаголовки в тексте — курсивом. Семантический анализ заголовков показывает пропагандистскую направленность Газеты: если подсчитать слова, касающиеся успеха, поражений и нейтральные («положение дел»), то окажется, что больше всего говорится об успехах Франции (11 заголовков), успехах друзей (9). О поражениях врагов говорится и только один раз говорится об успехе врага — имперцев (они взяли город). О поражении шведов у Нердлингена — 3 сообщения, но характерно, что поданы они как нейтральные: называется не о «поражении», а о «битве».

Среди методов пропагандистского воздействия Газеты

⁴¹ В конце XVII в. Газета проводила агитацию за подписку на акционерную королевскую торговую компанию, пропагандируя ее как «хорошее предприятие» (Rossier A. Le faux grand siècle... P. 140).

читателя можно назвать также использование фраз с эмоционально окрашенными словами и направленных высказываний. Первые Ренодо использовал преимущественно в 1631 г., позже перешел к сухому, «беспристрастному» изложению фактов. Направленные значения имеют приводимые в тексте Газеты анекдоты. В 1631 г. они, конечно, ориентированы против императора.⁴² Максимум количества пропагандистских высказываний в пределах нашей выборки приходится на 1672 г., когда Газета открыто настраивала читателей против Голландии и всячески расхваливала союз с Англией.⁴³ Подчеркивалась и слабость Голландии, от лица которой в одной статье говорится: «От этого города Гренингена не ожидают сопротивления, ибо войска французские и английские очень решительны, и от битвы будет успех более замечательный из всех проигранных нами».⁴⁴ А вот рассказ о работе Штатов Голландии и Фризий: «...но то, что тут говорят, все считают химерой, ибо наши слабости проявляются все чаще везде. Так, мир при любых условиях, какие только могут быть, нам был бы полезнее, чем любая война, в которой, мы уверены, все потеряем... Те, кто может извлечь выгоду из наших бед, противятся всеми средствами... принесут в жертву охотно по своему интересу всех, кто стоит за мир».⁴⁵

Опираясь на факт, что Газета немало внимания уделяла рассказу о насилиях и успехах врагов, уже был сделан вывод о «предостерегающем» характере даваемой ею информации. Это ясно видно и при анализе частоты упоминания политических деятелей. Врагов упоминается много больше, чем друзей: в 1631 г. те лица из лагеря друзей, что упомянуты в пределах выборки более одного раза, фигурируют 53 раза, враги — 80; в 1648 г. это 33 раза и 47 соответственно.

В XVIII в. содержание и методы Газеты остались прежними. Необходимость в систематическом направленном информировании не уменьшилась со временем, однако при господстве

⁴² Астролог предсказал императору поражение и разорение собственных земель, а император астрологу — что тот будет повешен. Анекдот завершается выводом: увидим, кто окажется лучшим предсказателем (Gazette. 1631. № 15). Еще одна издевка над императором касается поражения Габсбургов в войне за Мантуанское наследство, когда император был вынужден передать герцогство французскому ставленнику. Статья «Из Вены» гласит: «Насмешники говорят, что император очень постарался раздеть своих, чтобы иметь честь нарядить иностранца, и к тому же не по своей моде» (там же. 1631. № 2).

⁴³ «Французский и английский короли объединились теснее, чем когда-либо, чтобы вести против нас войну, от которой мы ожидаем только полного крушения» (там же. 1672. № 94). В Газете сохранялось повествование от первого лица — автора донесения, в данном случае голландца.

⁴⁴ Gazette. 1672. N. 94.

⁴⁵ Ibid N 96. — Далее рассказано об обвинении с недостаточными основаниями великого пенсионария Я. де Вита.

политической системы абсолютизма решительно измениться. Модернизация прессы была необходимым условием укрепления государственной власти. Но она была осуществлена только революцией.

риодика не могла. Еще в 1745 г. Газета оставалась на уровне середины XVII в. по типу и манере подачи информации. По-прежнему превалировала информация на военные и придворные темы, центр интереса представляли монархи и их деяния, не говорилось о внутреннем положении Франции. Изменившаяся ситуация внутри страны никак не повлияла на содержание Газеты. Неудивительно, что Газете перестали верить. В 1761 г. Людовик XV решил в меру возможностей улучшить Газету: он разослал обращенный ко всем интендантам в королевстве указ, гласивший, что «король желает сделать этот листок интересным и обеспечить ему заслуженное превосходство над всеми прочими».⁴⁶ Именно поэтому Газета и была передана в ведение министерства иностранных дел с тем, чтобы материал для печати поставляли государственные секретари. Ничего более решительного абсолютизм не был в состоянии предпринять в отношении своего печатного органа. Пресса по-прежнему была обращена только к узкой прослойке людей, близких к государственной деятельности. Однако читательская аудитория в век Просвещения значительно расширилась, и большая ее часть нуждалась в ином типе информации, чем та, что давала Газета, ибо она перестала отражать действительную жизнь Европы. Примером может служить упоминавшееся выше акцентирование внимания на захватах французских английских кораблей, чтобы продемонстрировать мнимую военную мощь Франции. К тому же в XVIII в., как и в XVII, в английском короле продолжали говорить как о самодержавном монархе, упоминая Парламент просто как совещательный, а высший государственный орган. Такая подача материала удовлетворяла, конечно, современников Вольтера.

Подбор тем и фактов в Газете не предоставлял материала для размышления. Это лишало ее читателей возможности критически относиться к предлагаемой информации. Газета приносила читателю информацию определенного объема, содержания и качественного уровня. Естественно, что Газета занималась пропагандой успехов, а не поражений Франции, роль в том, что она делала это регулярно. Создававшийся у читателей уровень информированности должен был способствовать тому, что они воспринимали факты Газеты в нужном направлении и у них формировалось убеждение в правильности политики правительства. Это было действительно в эпоху расцвета абсолютизма, но в XVIII в., в условиях, когда в французском обществе оппозиционные настроения распространялись все шире, печатная пропаганда «образца XVII в.» была не в состоянии поддержать падающий престиж королевской

⁴⁶ Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1911. С. 81.

Тематически связанные материалы

Л.Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.)

http://narod.ru/disk/38957730001/gordon-l_fe-59.pdf.html

И.Берго. Идеино-политический конфликт парламентов и абсолютизма в памфлетной войне вокруг судебной реформы Мопу (1770-1774)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/bergo_parlam_fe-84.pdf

М.Чепурина. Общественное мнение накануне революции

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/mach_TC.htm#public_opinion